

УДК 94(470.41+420).08:323.2(045)

*А.В. Виноградов***ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВ ХИМИЧЕСКОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ
ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПЕНДЛТОНА И КАЗАНИ
(1846–1917)**

В статье проводится сравнительный анализ общественного движения в защиту окружающей среды и здоровья людей от промышленного загрязнения в Великобритании и России на примере двух предприятий: завода Питера Спенса в пригороде Манчестера и предприятия Товарищества «Ушков и К^о» в Игумновой слободе г. Казани. Оба производства негативно воздействовали на окружающую среду: от выделявшихся ими токсичных газов гибли растения и домашние животные, была повышенная заболеваемость среди рабочих и местных жителей. При сходстве экологического вреда и механизмов его причинения, различие общественных факторов существенно влияло и на процесс разрешения конфликтных ситуаций, и на объёмы нанесённого ущерба. Под влиянием общественного мнения Питер Спенс принял решение о переносе своего предприятия в более отдалённую местность, не дожидаясь решения суда. В Казани же Товарищество «Ушков и К^о», пользуясь покровительством губернских властей, в течение 12 лет настойчиво противостояло общественному самоуправлению, Правительствующему Сенату и Министерству внутренних дел, требовавших прекращения вредного производства. На основе анализа социальных акторов, вовлечённых в конфликт в России и в Великобритании, автор приходит к выводу, что решающую роль в обоих случаях играли сложившиеся типы взаимодействия государства и общества, то есть уровень гражданского самосознания и демократических институтов.

Ключевые слова: экологическая история, промышленный переворот, химическая промышленность, гражданское общество, общественное движение.

В 1846 г. Питер Спенс и Генри Диксон основали в Пендлтоне, близ Манчестера, завод по производству квасцов, который вскоре стал в Великобритании их крупнейшим производителем. По мере роста производства совладельцы открыли филиалы в Гуле и Бирмингеме, а также вспомогательный завод по производству серной кислоты, необходимого для производства квасцов реагента [25, р. 283].

Спустя почти 50 лет, в 1894 г., в Казани начало свою работу новое предприятие Товарищества химических заводов «Ушков и К^о», выпускавшее серную кислоту, сульфат натрия и хлорную известь. Оно располагалось неподалеку от Казанского порохового завода, одного из важнейших производств российского военно-промышленного комплекса, и работало в тандеме с ним, используя его отходы как сырьё [10. Ф. 98. Оп. 4. Д. 27. Л. 8].

Несмотря на очевидные различия между этими химическими производствами — в периодах их существования, в географическом расположении, масштабах и спектре вырабатывавшейся продукции, — у них было много общих черт, связанных с пагубным влиянием на человека и окружающую среду. Оба завода не только производили ряд химических реагентов, но и (огромным количеством дыма и сточных вод) наносили невосполнимый ущерб природе, здоровью, имуществу местных жителей. Это были провозвестники масштабного загрязнения атмосферы промышленными отходами, которое ещё в викторианскую эпоху, с подачи Лиона Плэйфера, получило нарицательное название «всеобщая чудовищная неприятность» («the monster nuisance of all») [24, р. 81], и впоследствии быстро распространилось по всему миру.

В обоих случаях попытки исправить ситуацию в значительной мере затруднялись отсутствием готовых решений, поскольку ни в Великобритании, ни в России власти ещё не сталкивались с необходимостью контроля за такого рода химическим загрязнением окружающей среды. Но даже если бы чиновники и ученые обладали чёткими представлениями об источниках и механизме причинявшегося экологического вреда, им предстояло ответить на ряд более трудных вопросов: какой уровень загрязнения воздуха можно считать допустимым? Возможен ли компромисс между экологическими и экономическими интересами общества? На чьей стороне должен быть закон в подобных конфликтах: граждан или государства?

Очевидно, что химические реакции в Британской и Российской империях протекали одинаково, но ввиду различия разнообразных общественных факторов: законодательства, культуры, опыта взаимодействия между государством и гражданским обществом — они влекли за собой разные последствия. Цель настоящей статьи — показать общее и особенное в противоборстве промышленников и

представителей гражданского сообщества в двух странах, и на этом основании выявить факторы, которые могут сыграть решающую роль в разрешении конфликтов.

Длительное разбирательство по поводу порчи воздуха заводом Питера Спенса и Генри Диксона в Пендлтоне стало привлекать внимание научного сообщества уже в годы описываемых событий, и деятельность промышленников получала различные оценки исследователей. Так, Роберт Ангус Смит характеризует своего современника Питера Спенса как человека, применявшего весьма изобретательные средства для уменьшения вредоносности производства [26, р. 538–539], с чем согласны Арчибальд и Нан Клоу [18, р. 243–244]. Во второй половине XX в., на волне роста экологического движения в Европе, претерпела некоторые изменения и историография, где деятельность химических производителей стала рассматриваться более в негативном ключе [19, р. 536]. В целом, однако, противостояние между обществом и промышленниками по вопросам охраны здоровья и окружающей среды в европейских странах получило объективный и всесторонний анализ, преимущественно в работах 1990–2000 гг., где авторы сосредоточились на аргументации обеих сторон [33], а также на роли научного знания и экспертного сообщества в разрешении конфликтов [20, р. 76–80].

Однако до сих пор аналогичные проблемы не были должным образом освещены в российской историографии. Ни роль научного знания в решении экологических проблем XIX в., ни ранний экологический активизм, ни становление государственной экологической политики в Российской империи не рассматривались на примере химических предприятий дореволюционного периода. И Казанский завод Товарищества «Ушков и К^о» не исключение: о многолетнем загрязнении воздуха отходами этого производства до сих пор находим лишь краткие упоминания: см. диссертационное исследование И. В. Есиевой [4, с. 109–137] и монографию Н. П. Лигенко [7].

Представляется целесообразным не только рассмотреть общественное противодействие химическому загрязнению в позднеимперской России, используя подходы известные в зарубежной историографии, но и сопоставить его с опытом британского общества викторианской эпохи, чтобы увидеть региональные конфликты в контексте глобальных процессов благодаря «депровинциализирующему» эффекту сравнения [21, р. 41].

Технологическое устройство заводов и экологическая обстановка вокруг них

1. Завод Питера Спенса и Генри Диксона в Пендлтоне. Как выше упомянуто, завод был основан в 1846 г. двумя партнёрами, уже имевшими на тот момент значительный опыт в области химического производства, и предназначен был для изготовления квасцов. Предприятие развивалось довольно динамично, и вскоре владельцы построили несколько больших свинцовых камер для получения серной кислоты, которая раньше закупалась отдельно. Таким образом, завод в Пендлтоне включал в себя два основных вида производства: квасцов и серной кислоты камерным способом.

К 1846 г. Пендлтон представлял пригород Манчестера, население которого всё ещё сохраняло тесную связь с сельским хозяйством, хотя здесь уже работал ряд крупных красилен, текстильных и кожевенных фабрик, неизбежно ухудшавших экологическую обстановку. Тем не менее, наиболее резко состояние окружающей среды в Пендлтоне стало ухудшаться уже после основания квасцового завода [24, р. 83].

21 апреля 1856 г. в редакцию газеты «Манчестер Гардиан» поступило одно из первых писем от лица «ненавистников зловония» — местного жителя, который жаловался на «подобие корыт» для провоза владельцами завода аммиачного раствора по улицам Пендлтона. По его словам, они часто проезжали мимо его дома, оставляя после себя нестерпимое зловоние на полчаса вперед [32]. Другой гражданин Пендлтона под псевдонимом «Страдалец» указывал, что небольшой запах от повозок с аммиачным раствором не идёт ни в какое сравнение со зловонием, доносящимся при ветре от завода в сторону расположенных рядом жилых домов. Проживая в одном из них, он видел, что при этом столовое серебро чернеет, а с наружной стороны окон разрушается краска [22]. Выпускавшиеся газы наносили вред здоровью и животных, и растений, и жителей густонаселенного округа [31], уничтожая при этом целые фруктовые сады из нескольких десятков деревьев [30]. У жителей домов под воздействием «заражённого воздуха» заметно страдали здоровье и приусадебное хозяйство [20].

Приведённые свидетельства позволяют говорить о продолжавшемся загрязнении воздуха сероводородом и серным ангидридом, утечки которых уже обнаруживались двумя годами ранее на заводе. По заверению заводского начальства, им были приняты все возможные меры для предотвращения утечек газа на производстве, однако оппоненты их были убеждены, что, если это и правда, то загряз-

нение воздуха лишь уменьшилось, но не прекратилось полностью. Как и в случае с Казанским заводом, разрешить разногласия оказалось возможным только в судебном порядке, с привлечением широкого круга свидетелей из числа местных жителей и экспертов.

2. *Казанский завод Товарищества «Ушков и К^о»*. Как и завод в Пендлтоне, это предприятие расположилось на окраине города, в Большой Игумновой слободе, населённой крестьянами, мещанами и купцами, на правом берегу р. Казанки, в окружении нескольких небольших кожевенных заводов. «Целый квартал Игумновой слободы, между Казанкой и полотном железной дороги, прежде представлявший остатки разрушенных пожаром и временем обывательских построек, возродился из пепла и застроился теперь громадными заводскими зданиями лабораторий и складов» [11], — так восхищённо отзывался об открытии предприятия корреспондент газеты «Казанский телеграф» в марте 1894 г.

Как ни парадоксально, установить точный перечень веществ, производившихся на заводе, представляется довольно затруднительным. Воспользовавшись государственной помощью в создании сернокислотного производства, его владельцы открыли ещё несколько других, технологически связанных друг с другом. При этом заводское начальство не только не спрашивало разрешения на запуск новых видов производства у Губернского правления или Городской управы, но и не ставило их в известность, несмотря на то (или, возможно, вследствие того), что некоторые из открытых линий противоречили санитарному законодательству.

По словам управляющего заводом В. Н. Скворцова, написанным им в 1902 г., завод существовал «для выработки серной кислоты, запроданной Товариществом Казанскому Пороховому заводу по контракту» [10. Ф. 2. Оп. 3. Д. 2716. Л. 1]. Шестью годами раньше, когда завод ещё не стал предметом судебных разбирательств, он официально декларировал также круглосуточное производство сульфата натрия и соляной кислоты. Сульфатное производство действительно было весьма выгодным, поскольку сырьём для него использовались поваренная соль и бисульфаты — отходы от изготовления бездымного пороха: «Получаемые с порохового завода бисульфаты, содержащие 40 % кислоты, обжигаются в печах вместе с поваренною солью, причём выделяется из них излишек кислоты и образуется сульфат» [10. Ф. 98. Оп. 4. Д. 27. Л. 3об] ($\text{NaHSO}_4 + \text{NaCl} \rightarrow \text{Na}_2\text{SO}_4 + \text{HCl}$). Таким же образом (конденсацией газа хлороводорода) производилась соляная кислота, но высоким спросом она не пользовалась и имела низкую цену, в связи с чем многие производители сульфата рассматривали хлороводород как отход [8, с. 55].

Завод Ушковых, однако, нашёл ему прибыльное применение. Во время одного из осмотров завода члены комиссии обнаружили промышленную партию хлорной извести, происхождение которой управляющие не смогли объяснить. При более тщательном досмотре выяснилось, что на предприятии имеется отдельный цех по производству этого реагента, не упоминавшийся прежде ни в каких официальных документах. Отвечая на вопрос, почему производство велось без соответствующего разрешения, заводской бухгалтер сослался на придирчивость органов местного самоуправления: «Если просить на всё разрешения, нужно иметь в Казани не одну, а три Городских Управы» [10. Ф. 98. Оп. 4. Д. 27. Л. 3об]. Одной из весьма вероятных причин могло быть и то, что хлорную известь было выгодно производить с помощью обработки гашеной извести хлороводородом, имевшимся в изобилии ($\text{HCl} + \text{Ca}(\text{OH})_2 \rightarrow \text{CaCl}_2 + \text{H}_2\text{O}$). Тот факт, что при подобном производстве и тогдашнем уровне технологий утечек токсичного газа избежать было крайне трудно, мог стать причиной справедливых претензий к заводу.

2 июня 1900 г. горожане подали в Казанскую городскую управу заявление, жалуясь на значительное загрязнение атмосферы: «Выделяемые газы не только приносят постоянный нашему здоровью вред, но и наши сады и крыши железные все испорчены, а Городской лес близ этого завода начал уже сохнуть... Покорнейше просим возможно скорее принять все зависящие меры к устранению вреда от завода» [10. Ф. 98. Оп. 4. Д. 27. Л. 1]. Спустя несколько дней члены Санитарно-исполнительной комиссии обследовали предприятие и подтвердили законность требований жителей города. Насыщение воздуха газами чувствовалось уже на расстоянии 400 м от завода даже при противоположном ветре; все деревья на опушке городского леса стояли с обнаженными ветвями. Медная телеграфная проволока, проходившая вдоль завода, позеленела и имела яркий голубой оттенок [10. Ф. 98. Оп. 4. Д. 27. Л. 2]. Сточные воды с предприятия выводились по трубе на земли, принадлежавшие крестьянам, делая непригодными пастбища для выпаса скота и озеро для водопоя [10. Ф. 98. Оп. 4. Д. 27. Л. 57].

Уже 30 июля 1900 г. казанский губернатор П. А. Полторацкий постановил немедленно прекратить производство на заводе и начать судебное преследование против его владельцев [10. Ф. 98. Оп. 4.

Д. 27. Л. 8]. Однако, как и Питер Спенс, владелец завода И. П. Ушков поспешил уведомить губернские власти, что принял во внимание жалобы горожан, и химическое производство теперь не может быть причиной порчи воздуха [10. Ф. 98. Оп. 4. Д. 27. Л. 12]. Несоответствие его слов действительности хорошо видно по неиссякаемому потоку жалоб в Казанскую городскую управу на химический завод: отмечалось, что «вредное влияние завода товарищества отразилось на здоровье людей, в особенности детей, начали появляться болезни головы и органов дыхания, а дети, прежде бывшие здоровыми, стали иметь бледный, болезненный вид» [5, с. 3]. В 1912 г. участковый врач И. О. Рясенцев провёл весьма примечательное медико-статистическое исследование: он подсчитал процент больных бронхитом, ларингитом и рядом других заболеваний, которые могли быть вызваны вредными газами, от общего числа больных в Большой и Малой Игумновых слободах, где непосредственно располагался завод, и в Адмиралтейской слободе Казани, отстоявшей от него на 1,5–2 км. Выяснилось, что, несмотря на не столь существенную разницу в расстоянии, во всех случаях домовладельцы Игумновых слобод болели чаще, иногда — до двух раз.

Как показывает разброс дат между первым обращением разгневанных жителей и продолжавшимся в 1912 г. разбирательством, оно приняло крайне затяжной характер. Уже по этой причине «казанский случай» весьма подробно задокументирован и содержит значительное количество фактических сведений, позволяющих утверждать, что загрязнение воздуха в Казани было не только более продолжительным, но и более серьёзным, чем в Пендлтоне. Однако насколько соответствовала реакция российских и британских властей степени загрязнения окружающей среды?

Суд над заводом Питера Спенса и Генри Диксона

Судебный процесс против завода примечателен активным участием в нем Роберта Ангуса Смита — учёного-химика, занимавшегося исследованиями экологических проблем и впервые изучившего феномен кислотных дождей. В 1854 г. Питер Спенс попросил Ангуса Смита проинспектировать химическое производство, чтобы избежать утечек вредных газов. Учёный обнаружил несколько незначительных утечек и предложил владельцу ряд простых усовершенствований, однако в целом был убеждён, что неприятный запах происходит от других предприятий.

Тем не менее, тон жалоб, поступающих от граждан в газету «Манчестер Гардиан», становился всё более агрессивным. Это побудило владельца земли, на которой был построен завод, нанять адвокатов, чтобы они в установленном порядке предъявили предприятию обвинение в загрязнении воздуха. Адвокаты, в свою очередь, обратились к Ангусу Смигу и его коллеге, профессору химии Фредерику Крейсу-Калверту, чтобы они помогли составить научное основание для обвинения. Примечательно, что Питер Спенс пригласил учёных посещать производство в любое время, без предварительного согласования, находиться на нём сколько потребуется, и обещал, что работа при этом будет вестись как обычно [24, р. 84]. В результате трёх проверок Смит и Крейс-Калверт нашли несколько отверстий в заводских печах, куда просачивался серный газ. По мнению учёных, эти недостатки не имели принципиального значения и могли быть легко устранены.

Несмотря на это, Питер Спенс в 1856 г. решил построить на заводе новую высокую трубу, чтобы все выделяющиеся газы относились ветром как можно дальше от территории Пендлтона. Характерно, что именно это событие стало поводом для нового витка жалоб, поскольку обыватели восприняли строительство «большой трубы» как расширение вредного производства, что в конечном итоге привело к судебному иску в 1857 г.

Судебное заседание представляло собой, по выражению Тэла Голана, «спектакль, в котором две стороны представляли присяжным взаимоисключающие научные данные» [20, р. 78]. Сторона обвинения призвала в свидетели хирурга, который утверждал, что заводские газы наносят безусловный вред здоровью. Защита, в свою очередь, представила другого врача, утверждавшего обратное. Разошлись друг с другом и мнения специалистов в области химии. После заседания коллегия присяжных удалилась на длительное совещание, в результате которого вручила судье вердикт: «Виновен в причинении гражданам неудобств, влияние каковых на здоровье не доказано» [24, р. 88]. Руководствуясь вердиктом, владелец участка земли под заводом отказался продлевать договор аренды с Питером Спенсом по истечении срока его действия.

Судебные разбирательства, однако, на этом не закончились, поскольку срок окончания аренды был ещё далёк. В 1857 и 1858 годах дело рассматривалось вновь, и в итоге суд скамьи постановил приостановить производство на неопределённый срок, дабы установить степень его воздействия на

окружающую среду. Не желая идти на столь невыгодные меры, результат которых, к тому же, не был ясен, Питер Спенс предпочёл перенести завод из Пендлтоне в Майлс Платтинг, на несколько километров к западу [24, р. 89]. Это поселение изначально представляло собой промышленный посёлок, населённый рабочими, а не мещанами и крестьянством. Спенс небезосновательно полагал, что некоторое загрязнение воздуха вряд ли произведёт там столь же большой фурор, как в Пендлтоне. По всей видимости, его расчёт оказался верным, и в последующие годы общественное противодействие не препятствовало развитию производства.

Разбирательство с казанским заводом Товарищества «Ушков и К^о»

Как и в Пендлтоне, население Большой Игумновой слободы включало в себя значительную долю представителей буржуазии и мещанства, обладавших необходимыми средствами и желанием отстаивать свои интересы в соответствующих инстанциях. В то же время ранний экологический активизм в Казани встречал на своём пути ряд значительных препятствий. Уже на первых этапах противостояния между гражданами и заводом обозначился своего рода «конфликт комиссий»: врачи и профессора, посещавшие завод по приглашению Казанской городской управы, находили все признаки загрязнения воздуха и нарушения существовавших норм, в то время как эксперты, вызванные Губернским правлением, считали состояние завода вполне приемлемым.

С юридической стороны ситуация, действительно, была трудноразрешимой: хотя Строительный устав в редакции 1900 г. недвусмысленно утверждал в ст. 165, что «фабрик и заводов, вредных чистоте воздуха, в городах... строить не дозволяется» [17, с. 91], первое же примечание к ней давало промышленникам превосходную возможность обойти обвинения. В связи с отсутствием в Российской империи общих санитарных законов, оно позволяло оставлять существующие вредные заводы и фабрики на прежних местах, пусть и под «строгим наблюдением, чтобы заведения сии не причиняли какого-либо вреда городским жителям» [17, с. 91]; следовательно, очень многое зависело от лояльности наблюдателя.

Как владельцы завода, так и губернская власть признавали легитимным лишь тот надзор, который был установлен Строительным отделением Казанского губернского правления и происходил с участием только приглашённых им экспертов. Они «пришли к заключению, что при обнаруженном на сульфатном заводе устройстве, при правильном ведении работ, не предвидится опасности заражения продуктами, выделяющимися при сульфатном производстве, для окружающего воздуха, почвы и воды и лишь признали необходимым время от времени делать анализы газов, поступающих в дымовую трубу, с целью определения хлороводорода, хлора и серного ангидрида» [10. Ф. 98. Оп. 4. Д. 27. Л. 13]. Фактически этот аргумент, с небольшими вариациями, был единственным доводом в пользу защиты завода, который активно использовался на всём протяжении разбирательства. В отличие от Пендлтоне, в Казани больше не было предприятий, на которые можно было бы возложить вину за столь сильное загрязнение атмосферы, и владельцы предприятия настаивали на том, что поиск его «истинного» источника — обязанность обвинителей.

Закономерно, что разбирательство с Товариществом приняло затяжной характер. В ноябре 1901 г., в результате безуспешных попыток самоуправления установить с властью конструктивный диалог, губернатор П. А. Полторацкий уведомил городского голову А. А. Лебедева, что решение Правления не изменится, и если оно не устраивает гласных Городской думы, то может быть обжаловано в Правительствующем Сенате и Министерстве внутренних дел [10. Ф. 98. Оп. 4. Д. 27. Л. 59]. Вскоре жалобы, подписанные городским головой, были разосланы в соответствующие высшие инстанции.

Рассмотрение материалов дела в Министерстве и Сенате потребовало продолжительного времени, но примечательно, что оба органа встали на защиту жителей Игумновых слобод. 13 октября 1903 г. Хозяйственный департамент МВД издал указ о запрещении Товариществу «Ушков и К^о» производства сульфатов и хлорной извести на казанском заводе [12. Ф. 1287. Оп. 41. Д. 1458]. Значительно позже, в октябре 1906 г., наконец увидело свет постановление Правительствующего Сената, в котором говорилось, что действия Губернского правления были неправомерны, и вынесенное им решение подлежит пересмотру [10. Ф. 98. Оп. 4. Д. 27. Л. 110об].

Однако не менее примечательно и то, что ни Министерство внутренних дел, ни Сенат не смогли воспрепятствовать губернской властью проводить протекционистскую политику в отношении химического завода. Запретив ему производство сульфатов и извести на непродолжительный срок, уже в мае 1907 г. Казанское губернное правление опять разрешило их ввиду неких вновь открывшихся

обстоятельств [10. Ф. 98. Оп. 4. Д. 27. Л. 130–131]. Это решение вновь было обжаловано Городской управой в Правительствующем Сенате, и тот вновь запретил вредное производство постановлением от 16 февраля 1910 г., но Губернское правление, выждав несколько месяцев, опять его разрешило — на сей раз под видом эксперимента [10. Ф. 98. Оп. 5. Д. 297. Л. 2].

Итоги эксперимента были подведены в феврале 1912 г.: ряд медиков и ветеринарных врачей подтвердили, что сульфаты теперь производились совершенно безвредным способом [10. Ф. 98. Оп. 5. Д. 297. Л. 55–55об]. В их числе был врач А. О. Рясенцев, установивший факт повышенной заболеваемости жителей Игумновой слободы, однако собранная статистика была им истолкована своеобразно: он считал, что, поскольку завод не функционировал в летнее время, болезни были вызваны другими, неизвестными ему причинами [10. Ф. 98. Оп. 5. Д. 297. Л. 55об]. Версия о том, что предыдущие 12 лет загрязнения атмосферы серным ангидридом и хлороводородом влияли на состояние здоровья населения и привели к хроническим болезням, по-видимому, даже не рассматривалась. Подобные натяжки и нестыковки в финальном рассмотрении дела позволяют — с весьма большой вероятностью — предположить, что жалобы на завод иссякли не вследствие усовершенствования производства, а в результате разочарования горожан в легальных способах борьбы за свои права после того, как они оставались безрезультатными на протяжении более 12 лет.

Предприятие было закрыто лишь в 1917 г., однако революционные события не имели к этому отношения: 14 августа на Пороховом заводе начался пожар, продолжавшийся в течение 10 дней и приведший к катастрофическим разрушениям в округе. В отличие от государственного Порохового завода, предприятие Товарищества «Ушков и К^о», располагавшееся в непосредственной близости от него, не было восстановлено.

Перед нами два случая, когда химические заводы привели к сходному по своему характеру загрязнению атмосферы и вызвали бурное общественное недовольство. Один из них, находившийся в английском Пендлтоне, вынужден был сменить своё расположение вследствие первого же судебного иска. Учитывая, что степень вины владельца так и не была полностью установлена, не исключено, что он оказался в роли «потерпевшего», однако требования жителей города были удовлетворены. Другой, в Казани, действительно отравлял окружающую среду в течение многих лет, но многочисленные попытки борьбы с ним так и не принесли существенных результатов. Чем же обусловлена столь существенная разница в реакции общества?

Обращает на себя внимание различие в тактике поведения английских и российских промышленников. Питер Спенс и Генри Диксон действовали преимущественно в рамках закона, проявляли инициативу в улучшении санитарно-экологического состояния производства, оказывали содействие при осмотрах завода экспертными комиссиями и настойчиво стремились если не завоевать симпатию местных жителей, то, по меньшей мере, смягчить их недовольство. Владельцы и представители Товарищества «Ушков и К^о», напротив, демонстрировали пренебрежение к принятым нормам, производя бóльшую часть продукции без необходимого согласования; принципиально не шли на контакт с местным самоуправлением и жителями Большой Игумновой слободы; противодействовали работе Санитарно-исполнительной комиссии. Тем не менее, позиции промышленников обнаруживают общие черты: в обоих случаях они соответствовали ожидаемому ими ходу и итогам разбирательства. Если Питер Спенс видел главную угрозу в агрессивном настроенном сообществе горожан, то казанские заводовладельцы были уязвимы лишь перед губернскими властями, союз с которыми и привёл их к желаемому результату.

Противоречивую роль в обоих случаях играло экспертное сообщество: учёные-химики, медики и технологи, участвовавшие в разбирательствах по обе стороны «баррикад». Рассматривая борьбу с промышленным загрязнением в Великобритании и Российской империи, привлекательной представляется идея проследить трансфер технологий из одного государства в другое. Поскольку страны Западной Европы столкнулись с негативными экологическими последствиями промышленного переворота раньше, чем Россия, следовало бы ожидать, что изобретённые европейскими учёными методы борьбы с загрязнением позволяли их российским коллегам быстро находить эффективные решения в критических ситуациях.

Однако, если обратить более пристальное внимание на роль экспертов в разрешении двух конфликтных ситуаций, то можно прийти к неожиданному выводу, что они практически не влияли на ис-

ход. Поскольку учёные и врачи имели лишь совещательный голос, принятие решения всегда зависело от людей, не способных (или не желающих) объективно оценить сложную научную аргументацию, неизменно сопровождавшую как защиту, так и обвинение. В Казани многочисленные неопровержимые доказательства вины химического завода в загрязнении окружающей среды, собранные учёными под руководством Казанской городской управы, не принесли ей существенных преимуществ в противодействии заводоладельцам и Губернскому правлению. Показателен также вердикт присяжных по делу Питера Спенса: «Виновен в причинении гражданам неудобств, влияние каковых на здоровье не доказано». Что же в таком случае имело определяющее влияние на результат разбирательств?

Тэл Голан отмечает, что суд по делу Питера Спенса был первой в Великобритании попыткой юридического преследования химического предприятия, и его решение базировалось больше на правовой доктрине, чем на научных доказательствах [20, р. 79]. Схожая ситуация сложилась в Российской империи. Часто современники считали лакуны в российском санитарном законодательстве основной причиной злоупотреблений со стороны промышленников, хотя отсутствие строгой регламентации представляло собой не детерминанту, а возможность для реализации самых разнообразных вариантов разрешения конфликта. И в том, и в другом случае результат зависел, в большей степени, от социальных факторов, включая сложившийся тип взаимодействия между государством и обществом.

Проблемы взаимодействия власти и общества в дореволюционной России — одни из наиболее обсуждаемых и дискуссионных в современной отечественной и зарубежной историографии. Если, по мнению Джозефа Брэдли, в Российской империи конца XIX — начала XX в. уже существовало ядро гражданского общества [2, с. 425], то Лутц Хэфнер полагают, что можно говорить лишь о местных обществах — «ростках гражданственности», формировавшихся вокруг отдельных городских центров [16]; местные общества при этом были контрагентами государства, которое не считало полезным предоставлять населению гражданские права [6, с. 279].

«Казанский случай», однако, демонстрирует столь же полное взаимопонимание между обществом и государственной властью, какое мы обнаруживаем в Пендлтоне. Камнем преткновения здесь стала региональная власть. Позиции Губернского правления были достаточно сильны, а центральной власти — слабы, чтобы противоречия между ними не повлекли за собой каких-либо нежелательных последствий для местных чиновников.

Отметим, что данный случай не был единичным в Российской империи. Губернские органы власти и ранее в пореформенный период проявляли большую самостоятельность в решении санитарных вопросов, причём далеко не всегда это оборачивалось бедствием для местного населения. Так, с 1876 по 1894 год Петроковское губернское правление издавало постановления, призванные уменьшить промышленное загрязнение воздуха и воды р. Лодзь, однако в итоге губернатор должен был признать победу промышленников [14, с. 12–13]. Более пассивную роль играли тверские губернские власти в деле против Товарищества Тверской мануфактуры в середине 1880-х гг., которое было выиграно Городской управой, а владельцы производства обязаны были установить на нём дорогостоящее очистное оборудование [15, с. 59–60]. Ситуация, обратная той, что сложилась в Казани, имела место в Костромской губернии в 1906 г.: здесь заводоладельцы сами обратились к правительству Российской империи в поисках защиты от «произвола» полиции и городского самоуправления, которые требовали от них тщательной очистки сточных вод [15, с. 70]. В связи с этим трудно не согласиться с Лутцем Хэфнером, который утверждает, что российское гражданское общество так и не сформировалось в общеимперском масштабе «ввиду отсутствия форм и сетей коммуникаций на межрегиональном уровне» [13, с. 20]. Это обстоятельство, действительно, препятствовало разработке законодательных актов и созданию самостоятельных общегосударственных либерально-демократических институтов.

В Великобритании ещё в 1863 г. был принят Щелочной акт против загрязнения атмосферы хлороводородом, а в 1870-е гг. появились добровольные гражданские объединения [33, р. 124], такие, как Юго-восточная санитарная ассоциация, Ланкаширская и Чеширская ассоциации по контролю за выпуском вредных газов. Несколько позже похожие процессы стали происходить и в Российской империи: с 1885 г. стали проводиться съезды Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова, уделявшие внимание промышленной санитарии; в 1894 г. была основана Комиссия по разработке проекта положения об устройстве промышленных заведений; в 1913 г. разработан законопроект о санитарной охране воздуха от загрязнения дымом. Тем не менее, реализация названных инициатив в России

не была доведена до завершения, и эволюционное развитие в этой области было надолго прервано революционными событиями 1917 г.

На наш взгляд, наличие интегрирующей третьей силы между властью и населением [13, с. 20] в одном случае и отсутствие — в другом обусловили главные различия между ними. Основным препятствием в борьбе против загрязнения атмосферы в Казани был не недостаток научных знаний и не отсутствие сходных прецедентов в российской практике, а несформированность институтов гражданского общества в условиях «гипертрофированного российского государства» [16, с. 207]. По справедливому замечанию участников XII Пироговского съезда, «для правильного беспрепятственного развития врачебно-санитарного дела» было необходимо, в первую очередь, «проведение строго демократических реформ в организации законодательных учреждений и органов местного самоуправления» [3, с. 39].

Безусловно, более ясное и комплексное представление о взаимодействии общества и природы в процессе промышленного производства в общероссийских масштабах невозможно без подробного изучения многочисленных локальных конфликтов, возникавших между гражданами и владельцами предприятий. Невзирая на крах государственной системы имперской России, региональный опыт, полученный в этой области, имел значительное влияние на последующее развитие российской экологической политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братья Ушковы // Казанский телеграф. 1900. № 2285. С. 4.
2. *Брэдли Дж.* Общественные организации царской России. Наука, патриотизм и гражданское общество. М.: Новый Хронограф, 2012. 448 с.
3. Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург, 29 мая — 5 июня 1913 г. Вып. II. СПб.: Типография Акционерного общества «Слово», 1913. 512 с.
4. *Есиева И. В.* Купеческая династия Ушковых (первая половина XIX — 1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. 226 с.
5. Ещё о деле Игумновой слободы с товариществом Ушковых // Казанский телеграф. 1900. № 2405. С. 3–4.
6. *Кимбэлл Э.* Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху великих реформ. 1859–1863 // Великие реформы в России. 1865–1874. М.: Издательство МГУ, 1992. С. 260–279.
7. *Лигенко Н. П.* Купечество Удмуртии: вторая половина XIX — начало XX в. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2001. 432 с.
8. *Лукьянов П. М.* История химических промыслов и химической промышленности в России до конца XIX века. В 4 т. Т. 3. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 618 с.
9. *Менделеев Д. И.* О происхождении и уничтожении дыма // Вестник промышленности. 1859. Т. I. № 3. С. 63–76.
10. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).
11. Новый завод товарищества П. К. Ушкова и К^о // Казанский телеграф. 1894. № 312. С. 2.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА).
13. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. / отв. ред. А. С. Туманова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. 886 с.
14. Труды Комиссии, Высочайше утверждённой для составления проекта Положения об устройстве и содержании промышленных заведений и складов и о надзоре за производством в них работ. В VI т. Т. VI. О надлежащем устройстве и содержании промышленных заведений. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1898. 215 с.
15. *Хлопин Г. В.* Химическая промышленность и народное здоровье. Очерки из области профессиональной гигиены. Очерк 1. Петроград: Научное химико-техническое издательство, 1920. 87 с.
16. *Хэфнер Л.* Civilsociety, bürgentum и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в позднеимперской России // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 161–208.
17. *Шрамченко М. П.* Устав строительный (Св. зак. т. XII, ч. 1, изд. 1900 г. и по Прод. 1906 и 1908 г.) изменённый и дополненный узаконениями, обнародованными по 1 авг. 1910 г. СПб.: Н. К. Мартынов, 1911. 510 с.
18. *Clow A., Clow N.* The chemical revolution: a contribution to social technology. London, Batchworth Press, 1952, 680 p.
19. *Dingle A. E.* «The monster nuisance of all»: landowners, alkali manufacturers, and air pollution, 1828–64 // *The economic history review. New Series*, vol. 35, no. 4 (Nov., 1982), pp. 529–548.
20. *Golan T.* Laws of men and laws of nature. The history of scientific expert testimony in England and America. Harvard, Harvard University Press, 2004, 336 p.
21. *Kocka J.* Comparison and beyond // *History and Theory*, vol. 42, no. 1, pp. 39–44.
22. Nuisances in Pendleton. *Manchester Guardian*, 1856, April 23, p. 4.
23. Nuisances in Pendleton. *Manchester Guardian*, 1856, April 25, p. 4.

24. *Reed P.* Acid rain and the rise of the environmental chemist in nineteenth-century Britain. The life and work of Robert Angus Smith. Burlington, Ashgate Publ. Co., 2014, 209 p.
25. *Singer C.* The earliest chemical industry: an essay in the historical relations of economics and technology illustrated from the alum trade. London, Folio Society, 1948, 337 p.
26. *Smith R. A.* Air and rain. The beginnings of a chemical climatology. London, Longmans Green and Co., 1872, 591 p.
27. *Smith R. A.* Science in our courts of law // Journal of the Society of Arts, 1860, no. 7, p. 136–137.
28. The Alum works nuisance. Manchester Guardian, 1856, May 10, p. 4.
29. The nuisance at Pendleton. Manchester Guardian, 1856, May 13, 1856, p. 4.
30. The nuisance in Pendleton. Manchester Guardian, 1856, May 1, p. 4.
31. The Pendleton alum works. Manchester Guardian, 1856, April 29, p. 4.
32. To the editor of the Manchester Guardian. Manchester Guardian, 1856, April 21, p. 4.
33. *Wilmot S.* Pollution and public concern. The response of the chemical industry in Britain to emerging environmental issues, 1860–1901. The chemical industry in Europe, 1850–1914. Industrial growth, pollution, and professionalization. Edited by E. Homburg, E. Travis, H. G. Schröter. Dordrecht, Springer, 1998, pp. 121–148.

REFERENCES

1. Brat'ya Ushkovy [Ushkovs Brothers]. Kazan telegraph, 1900, № 2285, p. 4. (In Russian).
2. *Bradley Dzh.* Obshhestvennyye organizatsii carskoy Rossii. Nauka, patriotism i grazhdanskoe obshhestvo [Voluntary associations in tsarist Russia: science, patriotism, and civil society]. Moscow, "Novyy Hronograf" Publ., 2012, 448 p. (In Russian).
3. Dvenadcatiy Pirogovskiy s'ezd. Peterburg, 29 maya — 5 iyunya 1913 g. [Twelfth Pirogov's congress. Saint Petersburg, May 29 — June 5, 1913]. Issue II. Saint Petersburg, "Slovo" Corp. typography, 1913, 512 p. (In Russian).
4. *Esieva I. V.* Kupecheskaya dinastiya Ushkovykh (pervaya polovina XIX — 1918 gg.). Dis. ... kand. ist. nauk [Ushkovs merchants dynasty (first half of 19th century — 1918). Dissertation for the scientific degree of Candidate of History]. Kazan, 2004, 226 p. (In Russian).
5. Eshhe o dele Igumnovoy slobody s tovarishhestvom Ushkovykh [More about litigations of Igumnovo Sloboda with Ushkovs' Association]. Kazan telegraph, 1900, № 2405, pp. 3–4. (In Russian).
6. *Kimbell E.* Russkoe grazhdanskoe obshhestvo i politicheskiy krizis v epohu velikih reform. 1859–1863 [Russian civil society and political crisis in the period of the Great reforms. 1859–1863]. Velikie reformy v Rossii [The Great reforms in Russia. 1865–1874]. Moscow, Moscow State University Press, 1992, pp. 260–279. (In Russian).
7. *Ligenko N. P.* Kupechestvo Udmurtii: vtoraya polovina XIX — nachalo XX v. [Merchants of Udmurtia: the second half of 19th — early 20th century]. Izhevsk, Ed. of the Udmurt Institute for History, Language and Literature of Ural Branch of Russian Academy of Sciences, 2001, 432 p. (In Russian).
8. *Luk'yanov P. M.* Istoriya himicheskikh promyslov i himicheskoy promyshlennosti v Rossii do konca XIX veka [The history of chemical trade and chemical industry in Russia until the end of 19th century]. In 4 volumes. Vol. 3. Moscow, Ed. of the Academy of Sciences of the USSR, 1951, 618 p. (In Russian).
9. *Mendeleev D. I.* O proiskhozhdenii i unichtozhenii dyma [On the origin and destruction of smoke]. Vestnik promyshlennosti [Bulletin of Industry], 1859, vol. I., no. 3, pp. 63–76. (In Russian).
10. Nacional'nyy arhiv Respubliki Tatarstan (NA RT) [National Archive of the Republic of Tatarstan].
11. Novyy zavod tovarishhestva P. K. Ushkova i K^o [New plant of the "Ushkov and Company" Association]. Kazan, Kazan Telegraph Publ., 1894, no. 312, p. 2. (In Russian).
12. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive].
13. Samoorganizatsiya rossiyskoy obshhestvennosti v posledney treti XVIII — nachale XX v. [Self-organization of Russian society in the last third of 18th — early 20th centuries]. Ed. by A. S. Tumanova. Moscow, Russian Political Encyclopedia Publ., 2011, 886 p. (In Russian).
14. Trudy Komissii, Vysochayshe utverzhdennoy dlya sostavleniya proekta Polozheniya ob ustroystve i soderzhanii promyshlennykh zavedeniy i skladov i o nadzore za proizvodstvom v nih rabot [Proceedings of the Commission, highly established for the drafting of regulations on the organization and maintenance of plants and warehouses and on the supervision of the production process on them]. In VI volumes. Vol. VI. Saint Petersburg, Typography of V. Kirshbaum, 1898, 215 p. (In Russian).
15. *Khlopin G. V.* Himicheskaya promyshlennost' i narodnoe zdorov'e. Ocherki iz oblasti professional'noy gigieny. Ocherk I [Chemical industry and public health. Sketches from the field of professional hygiene]. Petrograd, Scientific Publ. House of Chemical Technology, 1920, 87 p. (In Russian).
16. *Hafner L.* Civil society, bürgentum i "mestnoe obshhestvo": v poiskah analiticheskikh kategoriy izucheniya obshhestvennoy i social'noy modernizatsii v pozdne imperskoy Rossii [Civil society, bürgentum and "local society": in search of analytical categories of studying of social modernization in the late imperial Russia]. Ab Imperio, 2002, no. 3, pp. 161–208.
17. *Shramchenko M. P.* Ustav stroitel'nyy (Sv. zak. t. XII, ch. 1, izd. 1900 g. ipo Prod. 1906 i 1908 g.) izmenennyi I dopolnennyi uzakoneniymi, obnarodovannymi po 1 avg. 1910 g. [Building regulations (code of Laws, Volume

- XII, Part 1, the edition of 1900 and the continuation of 1906 and 1908]. Saint Petersburg, N. K. Martynov Publ., 1911, 510 p. (In Russian).
18. *Clow A., Clow N.* The chemical revolution: a contribution to social technology. London, Batchworth Press, 1952, 680 p.
 19. *Dingle A. E.* "The monster nuisance of all": landowners, alkali manufacturers, and air pollution, 1828–64. The economic history review. New Series, vol. 35, no. 4 (Nov., 1982), pp. 529–548.
 20. *Golan T.* Laws of men and laws of nature. The history of scientific expert testimony in England and America. Harvard, Harvard University Press, 2004, 336 p.
 21. *Kocka J.* Comparison and beyond. History and Theory, vol. 42, no. 1, pp. 39–44.
 22. Nuisances in Pendleton. Manchester Guardian, 1856, April 23, p. 4.
 23. Nuisances in Pendleton. Manchester Guardian, 1856, April 25, p. 4.
 24. *Reed P.* Acid rain and the rise of the environmental chemist in nineteenth-century Britain. The life and work of Robert Angus Smith. Burlington, Ashgate Publ. Co., 2014, 209 p.
 25. *Singer C.* The earliest chemical industry: an essay in the historical relations of economics and technology illustrated from the alum trade. London, Folio Society, 1948, 337 p.
 26. *Smith R. A.* Air and rain. The beginnings of a chemical climatology. London, Longmans Green and Co., 1872, 591 p.
 27. *Smith R. A.* Science in our courts of law. Journal of the Society of Arts, 1860, no. 7, pp. 136–137.
 28. The Alum works nuisance. Manchester Guardian, 1856, May 10, p. 4.
 29. The nuisance at Pendleton. Manchester Guardian, 1856, May 13, p. 4.
 30. The nuisance in Pendleton. Manchester Guardian, 1856, May 1, p. 4.
 31. The Pendleton alum works. Manchester Guardian, 1856, April 29, p. 4.
 32. To the editor of the Manchester Guardian. Manchester Guardian, 1856, April 21, p. 4.
 33. *Wilmot S.* Pollution and public concern. The response of the chemical industry in Britain to emerging environmental issues, 1860–1901. The chemical industry in Europe, 1850–1914. Industrial growth, pollution, and professionalization. Edited by E. Homburg, E. Travis, H. G. Schröter. Dordrecht, Springer, 1998, pp. 121–148.

Поступила в редакцию 12.06.17

A.V. Vinogradov

**SOCIAL MOVEMENTS AGAINST CHEMICAL POLLUTION OF THE ENVIRONMENT:
CASES OF PENDLETON AND KAZAN (1846-1917)**

The article is devoted to the comparative analysis of social movements for environment and health protection from chemical pollution in Great Britain and Russia by the examples of two industrial enterprises: Peter Spence's alum works in Pendleton near Manchester and "Ushkov and Co." association plant in the Igumnovosloboda of Kazan. Both factories had similar negative effect on the environment: the toxic gases released by them led to the death of plants and cattle, increased morbidity among workers and locals. However, despite the similarity of environmental harm, the difference of social factors had a significant impact on the resolution of conflict situations and the degree of damage caused. Peter Spence decided to move his enterprise to a more remote area under the influence of public opinion, without waiting for a court decision. "Ushkov and Co." partnership association in Kazan, using the protection of the provincial authorities, for 12 years successfully opposed public self-government, the Government Senate and the Ministry of Internal Affairs, who demanded the cessation of harmful production. Based on the analysis of social actors involved in the conflict both in Russia and in the UK, the author concludes that the prevailing types of interaction between the state and society, the level of formation of civic consciousness and democratic institutions played a decisive role in both cases.

Keywords: environmental history, Industrial Revolution, chemical industry, civil society, social movements.

Виноградов Андрей Владиславович,
кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры всеобщей и отечественной истории

Елабужский институт (филиал)
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
423602, Россия, г. Елабуга, ул. Казанская, 89, ауд. 82а
E-mail: AndreiVinogradov@gmail.com

Vinogradov A.V.,
Candidate of History, Senior Lecturer
at Department of General and National History
Elabuga Institute (branch) of Kazan Federal University
Kazanskaya st., 89(82), Elabuga, Russia, 423602
E-mail: AndreiVinogradov@gmail.com